

За стеной старик с седой бородой, держа в руке погасший фонарь, с плутовской улыбкой что-то передал Тань Юньину.

— Благодарю, бессмертный владыка, — отозвался Тань Юньин. Он, по-видимому, дал старику что-то взамен, после чего тот радостно зашагал прочь.

Тань Юньин посмотрел на фонарь в своих руках, и уголки его губ дрогнули в холодной усмешке. Осенний ветер стал прохладным; он ворвался в глаза, всколыхнув рябью глубокий омут его зрачков, казавшихся до этого неподвижной гладью.

— Поздняя осень, — пробормотал Тань Юньин. Его лицо омрачилось, словно он о чем-то вспомнил, и он, неся фонарь, зашагал вперед.

Линь Сюэцзи, заметив, что он направляется в её сторону, поспешно бросилась бежать по своим следам. Запыхавшись, она вернулась во Дворец Тяньфу и принялась ворчать:

— Все эти обитатели Мира Богов — сплошь психи? Посреди ночи не спят, бродят здесь, скрываясь, как воры.

Тем временем в заднем дворе дворца Шуй Угоу играл на цине. Звуки струн были низкими и скорбными, словно плач или мольба, пронизанные ностальгией по былым временам.

Линь Сюэцзи услышала музыку, едва войдя во двор, и, не удержавшись, направилась вглубь. Она осторожно встала под навесом крыши, наблюдая за Шуй Угоу, который, сидя под деревом гинкго, с глубокой печалью на лице перебирал струны.

Осенний ветер срывал желтые листья, складывая их в кучу, словно воспоминания, а порывы ветра то и дело подбрасывали их прямо на струны циня.

Шуй Угоу перестал играть и замер, не отрывая взгляда от листа гинкго, застрявшего между струн.

Спустя долгое время он поднял лист, внимательно рассмотрел его, затем обернулся к дереву и потянулся к спрятанной за спиной деревянной шкатулке.

Он встал, достал из шкатулки красные нити и принялся бережно, одну за другой, привязывать их к ветвям.

Линь Сюэцзи видела, как в кроне дерева запуталась полная луна, а Шуй Угоу, одетый в красно-черные одежды, с распущенными волосами, с необычайной нежностью развешивал нити. Лунный свет мягко ложился на его лицо, делая выражение скорби еще отчетливее.

Прошло около получаса, пока он не закончил. Золотистые листья гинкго теперь были переплетены красными нитями, и в сиянии луны это выглядело особенно нежно и тоскливо.

Шуй Угоу, казалось, остался доволен. Он закрыл шкатулку и застыл на месте, погружившись в мысли, от которых его глаза снова наполнились слезами.

Спустя долгое время он взмахнул рукавом, сменив наряд на белое женское платье. Однако макияж на его лице остался прежним — вызывающим и по-своему чарующим.

— Цзяньцзя, ты пришла, — тихо прошептал он.

В тот же миг белые одежды закружились в танце, полном нежности и тоски. В лунном свете он

порхал, словно танцующая бабочка.

Линь Сюэцзи заворуженно наблюдала за ним. Она и подумать не могла, что Шуй Угоу способен на такое, но что это за странные наклонности?

При этой мысли Линь Сюэцзи слегка нахмурилась и вздохнула. Она окончательно утвердилась в своем мнении: Шуй Угоу любит мужчин и в глубине души считает себя женщиной!

А Янь Дуншэнь, сидевший у неё на плече, заметно заволновался: скорбный вид и движения Шуй Угоу показались ему до боли знакомыми.

— Впервые встретившись, словно старые друзья вернулись, — прошептал про себя Янь Дуншэнь, глядя на танцующего Шуй Угоу с нежностью в глазах.

Лишь спустя долгое время Шуй Угоу остановился. Его лицо, полное скорби, было залито слезами; он выглядел как покинутый человек — беспомощный и печальный.

Линь Сюэцзи, глядя на это, вздохнула:

— О чем ты так тоскуешь?

Шуй Угоу взмахнул рукавом, снова облачившись в грозные красно-черные одежды, и вернулся к циню. Но играть он больше не стал — просто прислонился спиной к дереву гинкго и беззвучно заплакал.

Линь Сюэцзи, стоявшая под навесом, покачала головой и собралась уходить, но Янь Дуншэнь не хотел покидать это место. Он обхватил лицо Линь Сюэцзи лапками и упрямо заерзал.

— Некрасиво так подглядывать за другими, — прошептала она ему на ухо. — Если хочешь смотреть — оставайся сам.

Янь Дуншэнь понуро опустил уши, но Линь Сюэцзи потрепала его по голове и унесла с собой.

Тем временем недалеко от Дворца Тяньфу, в тростниковых зарослях у озера, тоже кто-то предавался печали.

Тань Юньин стоял у воды с тем самым погасшим фонарем. Он молчал, словно изваяние. В его персиковых глазах не было блеска, и лишь белый фонарь в руках, расписанный изящными цветами белой магнолии, выделялся в темноте.

Тань Юньин смотрел вдаль, а холодный ветер проникал в самую душу, остужая её еще сильнее.

Спустя долгое время он тихо проговорил:

— Ты вернулась. Я знаю, что это ты вернулась, правда?

Его затуманенный взгляд устремился в темное ночное небо. Медленно подняв фонарь, он слегка нахмурился, а затем с силой бросил его в озеро. Фонарь поплыл прочь по волнам.

Тань Юньин горько усмехнулся и развернулся, чтобы уйти.

На следующее утро, выйдя из главного зала, Шуй Угоу увидел, как Линь Сюэцзи во дворе

дразнит Янь Дуншэня, принявшего облик зеленой лисы. Заметив, что они вовсе не собираются уходить, Шуй Угоу помрачнел.

Линь Сюэцзи тоже заметила его, стоявшего под навесом с мрачным лицом. Вспомнив, как вчера он внезапно опустился перед ней на колени, она нахмурилась: Шуй Угоу казался ей слишком сложным и совершенно непостижимым в своих поступках.

Шуй Угоу холодно фыркнул и повернулся, чтобы вернуться в зал. В этот момент с переднего двора донесся голос Тань Юньина:

— Угоу!

Шуй Угоу обернулся и увидел Тань Юньина, который держал в руках два Плода Земных Уз.

Тань Юньин бросил взгляд на Линь Сюэцзи и Янь Дуншэня, улыбнулся и подошел к Шуй Угоу, протягивая ему плоды.

— Угоу, я выпросил их у Бессмертного владыки Чэньюаня. Посади их как следует, когда-нибудь и наши Плоды Земных Уз сплетутся в единую ветвь, — сказал Тань Юньин с самым серьезным видом. На корнях плодов еще оставалась свежая земля — видимо, их только что выкопали.

Шуй Угоу замер, а затем взял плоды, чтобы рассмотреть их: один был его, а второй он не узнал.

— Хорошо, я сейчас же их посажу, — радостно воскликнул он и бросился в дом. Войдя, он выкопал Плод Земных Уз, который достал вчера из заднего двора, и посадил на его место плод Тань Юньина.

Затем он посадил свой плод вместе с плодом Юнь Цзяньцзя. Чтобы Тань Юньин ничего не заподозрил, он поместил все три растения рядом, но плоды его и Юнь Цзяньцзя оказались посажены корнями вместе, а плод Тань Юньина — отдельно.

Шуй Угоу переплел лозы трех плодов так, чтобы они выглядели как две, и обложил их со всех сторон дикими травами, после чего наконец успокоился.

Во дворе Тань Юньин не сводил глаз с Янь Дуншэня, несколько раз пытаясь погладить лису по голове, но та каждый раз пряталась в объятиях Линь Сюэцзи.

— Ого, эта маленькая лисичка не подпускает к себе? А я ведь хотел погладить её только потому, что она такая милая, — болтал Тань Юньин, подперев голову рукой и глядя прямо на Линь Сюэцзи.

Янь Дуншэнь не любил его и не хотел разговаривать, лишь зарывался глубже в объятия девушки. Линь Сюэцзи несколько раз пыталась вытащить его, но тот упрямо лез обратно.

— Ты пользуешься тем, что принял облик лисы, чтобы воспользоваться благосклонностью девушки? — намеренно поддел его Тань Юньин, отчего Линь Сюэцзи густо покраснела.

Янь Дуншэнь разозлился и наконец подал голос:

— Не тебе меня учить!

— Хм, разве ты не видишь, что девушке неприятно, когда ты к ней прилипаешь? Ты такой навязчивый, что твоя бесстыдность не уступает толщине лисьей шкуры. Интересно, если снять

с тебя эту шкуру и сделать из неё мешочек, будет ли в нем тепло? — Тань Юньин, продолжая подпирать голову, улыбнулся и насмешливо произнес это приятным голосом.

Янь Дуншэнь не стал с ним спорить, снова взобрался на плечо Линь Сюэцзи, обхватил её белую шею и потерся о неё, довольный собой.

В это время Шуй Угоу вышел из зала. Увидев, как Тань Юньин с обожанием смотрит на Линь Сюэцзи, а Янь Дуншэнь не дает ей покоя, он понял: этот ядовитый на язык Тань Юньин снова разозлил лиса.

Шуй Угоу стоял под навесом, терзаемый тревогой. Он вспомнил вчерашний вечер: Линь Сюэцзи и Янь Дуншэнь смотрели на него с таким отвращением... Если так пойдет и дальше, они вовсе не захотят его видеть.

И тогда Шуй Угоу решил: он доведет их до белого каления!

«Да, именно так! — подбодрил он себя. — Пусть даже придется ползать на коленях, лишь бы выгнать этих вестников несчастий, любые жертвы оправданы!»

Он вспомнил о только что посаженных Плодах Земных Уз и решил, что ни в коем случае не позволит этим двум негодникам их погубить.

Послышались шаги. Линь Сюэцзи обернулась и встретила взглядом с изможденным Шуй Угоу.

— С чего это ты с утра такой помятый? — Линь Сюэцзи не понимала, что опять нашло на этого психа, но чувствовала себя неловко — ведь вчера он стоял перед ней на коленях.

Шуй Угоу замер, а затем, словно механический, снова опустился перед ней на колени:

— Прошлой ночью старый друг явился мне во сне и спросил, почему я позволил повредить оставленную им вещь. Я не нашелся что ответить и был отчитан. Чувство вины не давало мне уснуть, и вот результат. Я снова встал на колени, чтобы искупить свою вину за вчерашнее.

Шуй Угоу говорил без умолку, не давая Линь Сюэцзи и слова вставить, и продолжал разыгрывать жалкую комедию:

— Та трава сама по себе ничего не значит, но для меня она дорога как память. Вчера вы перебрали с вином, и я, должно быть, не подумав, сказал то самое слово «прочь», чем и вызвал ваш гнев. Всё, что случилось потом, — моя вина. Вчера я не успел извиниться, поэтому делаю это сейчас. Надеюсь на ваше великодушие.

Прекрасное настроение Линь Сюэцзи было окончательно испорчено этой сценой. Внешне она оставалась невозмутимой, но в душе уже тысячу раз была готова растоптать этого подонка!

— Взрослый мужчина, а ведешь себя как последний подлец. Кому ты это демонстрируешь? Звездный Владыка Судеб, неужели твоя гордость стоит так дешево? — Линь Сюэцзи с трудом сдерживала себя, балансируя на грани срыва.

Шуй Угоу решил, что если унизится еще сильнее, то наверняка выведет её из себя. Он опустил голову, приняв кроткий вид, и задрожавшим голосом произнес:

— Именно гордость и вызвала ваше недовольство. Я человек ничтожный, и гордость моя

ничего не стоит. Если вам угодно, можете топтать меня дальше — я не возражаю. Вы двое обладаете великой силой, одним движением пальца можете лишить меня жизни. Таким великим людям виднее, что делать.

— Шуй Угоу! — Линь Сюэцзи окончательно вышла из себя. Её красивые брови изогнулись, а в глазах читались гнев и презрение.

Они долго смотрели друг на друга: она — с яростью, он — с притворным ужасом. Время словно застыло, и лишь осенние листья кружились в воздухе, разделяя их неловкое молчание.

Тань Юньин, видя это, тихо кашлянул. Он, конечно, понимал, что Шуй Угоу делает это намеренно. Тот, кто всегда был так высокомерен, никогда бы не опустился до такой низости, если бы не было причины.

Тань Юньин, подперев голову, посмотрел на покрасневшую от гнева Линь Сюэцзи и уже хотел что-то сказать, как вдруг услышал её голос, полный разочарования:

— Шуй Угоу, я знала, что ты тяготишься нашим присутствием, но не думала, что ты способен опуститься до такой мерзости. Раз так, прямо сейчас меняй мне Судьбу, и я немедленно покину Дворец Тяньфу! Больше никогда не буду мозолить тебе глаза!

Шуй Угоу замер. Всё снова свелось к смене Судьбы. Похоже, без этого Линь Сюэцзи от него не отстанет.

Он горько усмехнулся и взмахнул рукой, призывая Книгу Судеб и Кисть Судьбы...

<http://bllate.org/book/19137/1879577>